

Куба – любовь моя. Глава четвертая. Местные особенности

В октябре, ноябре и декабре мы публикуем в нескольких частях воспоминания инженер-геолога Николая Афанасьевича Самуся о его работе на Кубе 1980-х годах. В этих воспоминаниях много личного, не связанного с профессией. Ведь специалистов тогда приглашали не на один месяц, с собой разрешали перевозить всю семью. Поэтому предлагаемый рассказ интересен скорее с точки зрения истории. Но и для профессионалов найдутся полезные главы, рассказывающие об особенностях работы российских инженер-геологов за рубежом.

**Николай Афанасьевич Самусь
ООО «ГеоСИМ»**

Город Матансас (дословно переводится – «убийства», множественное число, построенный на месте, где в своё время колонизаторы убили почти всех коренных жителей острова – индейцев) располагается примерно в 100 км к востоку от Гаваны, тоже на северном берегу острова Куба. Город опоясывает южную часть бухты, врезанной почти на 5 километров в остров и представляющую собой чётко выраженный древний тектонический грабен («канавка» – с немецкого), с обрывистыми бортами и глубиной до 600 м в середине залива при его ширине 3–4 км (рис. 3).

Въезд в Матансас со стороны Гаваны начинается вскоре за крутым поворотом шоссе вправо, в объезд вокруг бухты. А почти прямо перед поворотом на берегу бухты виднеются трубы ТЭЦ, довольно оригинально построенной французскими специалистами прямо над

тектонической трещиной, проходящей параллельно берегу бухты, с раскрытием у поверхности около 3 м, а к низу постепенно сужающейся. Уже на глубине около 4 м в трещине стояла вода на том же уровне, что и в заливе. По рассказам кубинских специалистов, аквалангист смог протиснуться в щель на глубину 25 м, а глубже только в луче фонарика смог рассмотреть пустоту ещё метров на 5 вниз, поскольку вода там была идеально чистой и прозрачной.

Французские специалисты после обследования площадки приняли рискованное (по советским нормам – практически недопустимое), но очень смелое и достаточно надёжное решение. Они разместили на площадке основные сооружения там, где их удобно эксплуатировать, а не там, где хорошее геологическое основание. Трещину до поверхности засыпали калькаренимом для удобства строительных работ и для безопасного перемещения по площадке, потом перекрыли железобетонной плитой – «тампоном», как звучит это в переводе с испанского, после чего построили и здание ТЭЦ, и вспомогательные сооружения. Я был в восторге от такого решения. Принять его можно было только правильно оценив сейсмичность региона (по нашим нормам район Гавана-Матансас имеет сейсмичность менее 6 баллов, несмотря на упомянутую выше застарелую тектоническую трещину, пересекающую площадку), не запугивая себя и других страхами из-за наличия древних разломов, обрамляющих грабен. ТЭЦ ко времени нашего пребывания работала более 40 лет, а сейчас уже более 70. Простое и разумное решение.

Рис. 1. Нартбий Дохов (справа) и Олег Крамаренко на опытной площадке

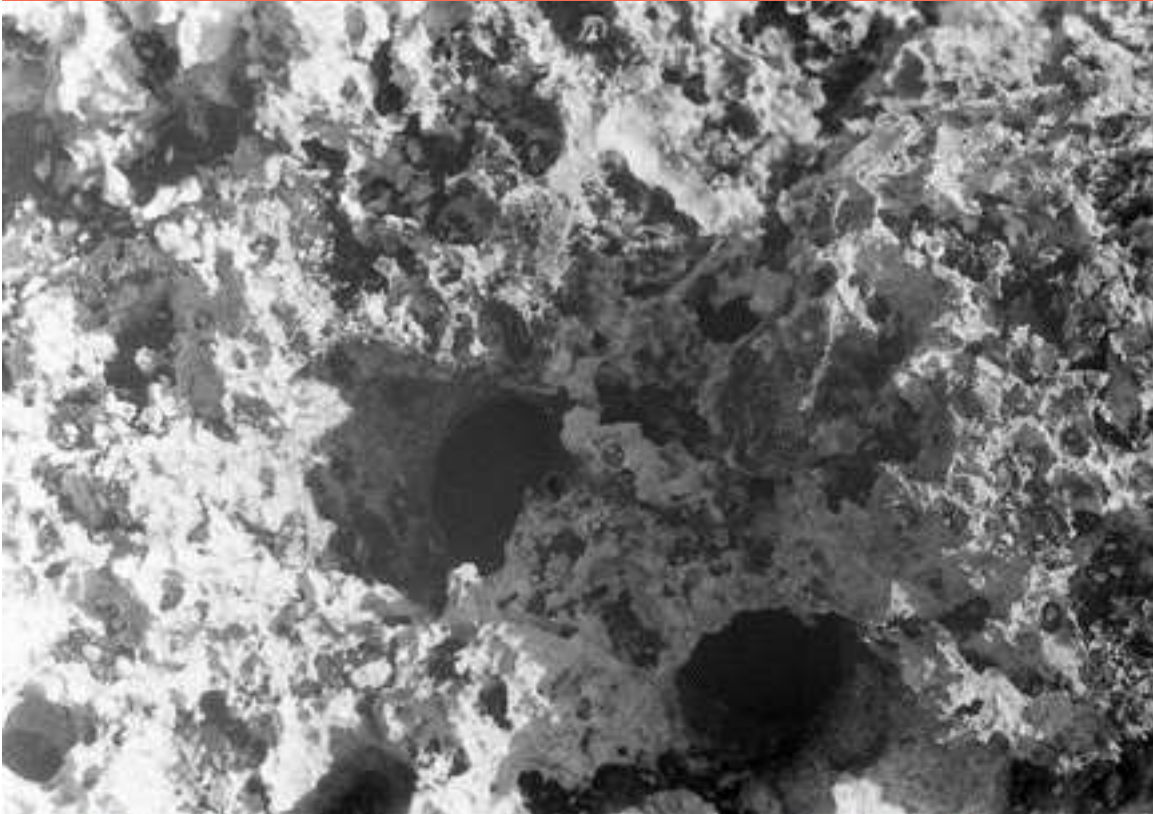

Рис. 2. «Соба́чьи клыки» и поноры (поглощающие отверстия диаметром до 10–15 см)

В подразделении нашей экспедиции в Матансасе были бурильщики, геологи, лаборанты, топографы, соответственно вооружённые необходимой техникой. Руководителем этого подразделения был Дохов Нартбий Алиевич, выпускник Новочеркасского политехнического института, а старшим геологом – Олег Крамаренко, харьковчанин и мой более молодой однокашник по харьковскому университету (рис. 1). Во время первой командировки в Матансас, разговорившись с Доховым, абазином из Черкесска, я вспомнил рассказы своего коллеги по работе в Волгоградском филиале института «Гидропроект» Бориса Святуна об однокурснике – шахматисте и боксёре – с похожей фамилией, сказал об этом Нартбию, – и надо же! – это был именно тот самый Дохов. С Нартбием у меня сложились очень хорошие отношения, длились они до его отъезда в Союз. Он был по натуре игрок, ему было безразлично, во что играть: преферанс, шахматы, шашки, поддавки, всё у него здорово получалось. Я тоже был любителем игр, мы часто коротали вечернее время моих командировок вместе, но если в шахматах и русских шашках мне иногда удавалось его «дожать», то в «поддавки» выиграть у него было почти невозможно. А Александр Сергеев сильно тогда удивился: «Ну, ты даёшь! На другом конце света в первый же день знакомых нашёл!».

Рис. 3. Матансас – вид с восточной стороны бухты. В центре у горизонта посёлок советских специалистов «Нарнхаль» (открытка)

Рис. 4. У цветущего джута перед въездом в Матансас со стороны Гаваны

К большому всеобщему удивлению, когда мы прибыли на площадку, где наше подразделение бурением выявляло, а затем оконтуривало карстовые полости, там давно уже лежало несколько рулонов стальных листов диаметром около 3 м, толщиной около сантиметра и длиной около 10 м, из которых предстояло сварить баки. Эти рулоны наши чиновники завезли значительно раньше, чем была подготовлена площадка, сделаны изыскания и проект, в итоге уже к концу нашего пребывания на Кубе от лежания на морском берегу с солёными брызгами и влажным субтропическим воздухом рулоны годились только на металлолом: проржавели почти до дыр. Причал и нефтехранилище так и не построены – до сего дня.

«Собачьи клыки» (рис. 2) – это такая форма поверхностного карста – острые известняковые шипы, как будто выбитые каплями дождя. Ходить по ним очень неудобно: если не проткнёшь обувь, то можешь запросто застрять ногой между этими каменными колючками, и не дай бог упасть на них – травмы гарантированы. Чтобы как-то безопасно перемещаться по площадке, на ней сначала бригада кубинцев-лесорубов сводила лес. Затем бульдозером по возможности срезались «клыки», верх которых отсыпался и разравнивался калькаренит. Только после этого по площадке можно было ходить и ездить не только на гусеничной технике, но даже на УАЗике.

Площадка нефтехранилища находилась на некотором возвышении и удалении от западного берега залива Матансас. До освоения она была покрыта лесом, светлым и проходимым (не забывая о прочной обуви) из-за сухости почвы. Вокруг площадки на деревьях сидели крупные грифы, а по ветвям кустарников и по траве порхали незнакомые нагловатые чёрные птицы чуть покрупнее скворца и разнообразные тропические бабочки невиданной красоты. (Ещё как-то я наблюдал грифов при одной из поездок из Гаваны в Матансас. В одном месте вдоль дороги была длинная ограда и на каждой, без пропусков, её стойке-опоре сидело по грифу – несколько десятков. Эти птицы оглядывали пространство, поворачивая голову то влево, то вправо на 90 градусов, сопровождая эти повороты кивками головы. Через много лет я часто видел по телевизору президента одной крупной страны, который в качестве ораторского приёма применял повороты головы почти такого же размаха с кивками. Мне тут же вспоминались стихи В. Высоцкого: «Горопись! Тощий гриф над страной кружит...»). Прогулки по лесу были сопряжены с большими опасениями: при каждом шаге приходилось выбирать среди «собачьих клыков» место, куда поставить ногу, а сверху надо было очень внимательно смотреть, чтобы не прикоснуться к листьям дерева *гуао* – сильнейшего аллергена (рис. 5). От прикосновения к маслянистой поверхности его листьев на коже образовывались волдыри, следы от которых долго не зарастали, а если волдырь лопался, то на теле, где протекла жидкость, образовывались новые волдыри. Как позже сказал мне Рафаэль Эспиноса, ядовитая жидкость действует, как иприт. Так это, или на инструктаже нас пугали – я на себе проверять не стал и ни разу не попался. Что интересно, *гуао* является аллергеном только для белых людей, а на негров и мулатов не действует. Тем не менее, «прогулки» по лесу мы с Олегом Крамаренко совершали до самого берега моря, по пути высматривая всякие диковинные растения, включая стелющиеся опунции... Мои коллеги из Гаваны, Птицын и Казарян, заказывали собирать в лесу маленькие плоды дикого перца «чили», неопишимо острого. Они его использовали для приготовления томатной приправы к пище в кубинской столовой при ЭНИИ, куда ходили обедать. На мой вопрос, не сожгут ли себе желудки таким «пламенем», Птицын ответил так: знаешь, Николай, за 3 года эти «опилки» так приелись, что проглотить их без острой приправы просто невозможно. Однажды и я решил попробовать «опилки», после чего в обед употреблял чай и принесённые

с собой бутерброды, благо в нашей рабочей комнате стоял холодильник. Но в командировках так капризничать не приходилось.

Во время первой командировки в Матансас, кроме ознакомления с советской и кубинской лабораториями, не помню по чьей инициативе, я попал на экскурсию в карстовую пещеру Bellamar восточнее Матансаса, а заодно – и в городок Сан-Мигель. В нём есть бальнеологический санаторий, а из достопримечательностей – трёхсотметровая гора с тем же именем, на вершину которой проложена туристическая ступенчатая тропа, имитирующая путь Иисуса Христа на Голгофу. Сосновый лес вдоль тропы, одуряющий запах хвои ... Гористая местность, заросли леса, на равнинных участках – поля сахарного тростника.

Пещера произвела хорошее впечатление: находится на глубине около 30 м, спускались в лифте, почти прямая – развивалась, видимо, вдоль тектонической трещины. По её днищу протоптана тропа длиной около 0,5 км, проведено электрическое освещение. Высота от 10 до 15 и более метров, тропа постепенно поднимается вверх, ближе к её восточному окончанию в потолке просматривается светлое пятно провала... Сталактиты, сталагмиты... иногда смыкающиеся...

Рис. 5. Гуао – к сожалению, только черно-белый снимок

Рис. 6. Карлос Эспелето – прораб опытной цементации

Немного опережая события, добавлю, что в начале марта 1985 года во время одной из моих командировок техник-геолог из группы наших изыскателей в Матансасе, Виктор Пушкарёв из Свердловска, мастер спорта СССР по альпинизму, покоривший до заграничных командировок почти все отечественные семитысячники, рассказал мне, что при планировке площадки размещения нефтебаков вскрыли две пещеры, и он в них уже побывал. Я напросился «на экскурсию» в одну из пещер. Впечатление осталось незабываемое. Мы с ним ползком продвигались по тесным пещерам метров 10–15 в 7–8 метрах от поверхности, полубоком, поскольку пещеры, повторяя бывшие трещины, были наклонными. Приходилось всё время опираться на одну руку, а в другой была свечка, поэтому опирался на локоть. Зато – идеальная чистота и свежесть воздуха, удивительная, прямо-таки музыкальная, ксилофонная тональность звуков от постукивания по причудливым сталактитам. Виктор был первым посетителем этих пещер.

Чтобы закончить о кубинских карстовых пещерах, забегаю вперёд, скажу ещё о посещении пещеры в Виньялесе, провинция Пинар-дель-Рио («Сосновый лес у Реки»), на западе острова. Но та пещера образовалась и сохранилась внутри отдельно стоящей абразионной горы (моготе), хорошо оборудована, освещена электричеством, протекающий по её днищу ручей перекрыт плотинами, так что почти под всей горой можно проплыть на лодке. Таков аттракцион для туристов.